

Путь от гримёрки до съёмочной площадки прошёл в гнетущем молчании — всё вернулось на круги своя. Сюй Юньшань сразу направился к площадке и затерялся среди персонала, а Янь Тин подошёл к режиссёру У. Ни тот, ни другой не удостоили друг друга даже взглядом.

Янь Тин менял маски с не меньшей виртуозностью, чем Сюй Юньшань. Топорщившийся ёж, секунду назад выглядевший так, будто ему задолжали кругленькую сумму, при виде У Цюфэна мгновенно преобразился, вернув на лицо привычную непринуждённую улыбку. Поздоровавшись с режиссёром и обменявшись парой фраз с Цинь Чжэнь, они втроём двинулись к съёмочной зоне.

На сегодня была запланирована сцена, следующая сразу за дракой и операцией Сюй Фаня. По сюжету Сюй Хуаньчжи, уладив конфликт с родителями второго зачинщика и подписав мировое соглашение, вымотанная до предела, входит в больничную палату сына.

Это была их первая совместная сцена — Янь Тина и Цинь Чжэнь.

Янь Тин опустился на больничную койку. Пока медбрат ставил ему капельницу, осветители и операторы в считанные секунды завершали последние приготовления. Цинь Чжэнь заняла исходную позицию. Режиссёр У отступил на пару шагов и скомандовал:

— Сцена двадцать три, дубль первый. Поехали!

Сюй Юньшань наблюдал за происходящим с безучастным лицом. Душа его оставалась глуха: сценарий он прочитал вдоль и поперёк, на площадке присутствовал каждый день, так что сюжет давно утратил для него всякую остроту. Но прозвучала команда, и при взгляде на лицо Янь Тина сердце Сюй Юньшаня неожиданно ёкнуло.

В кадре Янь Тин становился совсем другим человеком. Взгляд, мимика, малейший жест — каждая деталь попадала точно в цель. Казалось, каждая клетка его тела подчинена образу, создавая иллюзию абсолютной естественности.

Сюй Фань понуро сидел на койке, низко опустив голову.

Действие наркоза после операции подходило к концу, и сломанный нос пронизывала всё более дикая, пульсирующая боль. Но в груди жгло куда сильнее.

Драку затеял он сам. Впрочем, пострадал Сюй Фань заметно тяжелее противника, так что противоположная сторона не стала раздувать скандал, и дело быстро уладили тихим миром.

Сюй Хуаньчжи, расплатившаяся за операцию и выслушавшая упрёки другой матери, тяжело вошла в палату. Увидев сына, застывшего на кровати подобно изваянию, она помрачнела и в несколько широких шагов оказалась подле него.

— Зачем ты опять ввязался в драку? — потребовала она ответа.

Сюй Фань молчал.

— Сидел бы себе тихо в школе и ни к кому не лез! Разве я тебе не говорила? — Голос Сюй Хуаньчжи сорвался. — Твой брат из-за болезни даже учиться не может, а ты... Ты только и делаешь, что создаёшь мне проблемы!

Подросток не шелохнулся.

— Тебе мало хаоса в доме?! Твой отец спустил деньги компании на карты и любовниц! Я кручусь как белка в колесе, занимаю у одних, чтобы отдать другим, оббиваю пороги по всему городу! Я должна кормить тебя и искать средства! Ты хоть представляешь, сколько стоит лечение твоего брата?! Если деньги кончатся, на что я буду его лечить? Скажи мне, на что?!

— Отвечай! Зачем ты дрался?! — надрывалась она. Ей не нужен был его ответ — требовался лишь выход для скопившейся желчи и отчаяния. — Ты можешь просто ходить на занятия? Можешь жить спокойно и не отсвечивать? Послушай меня, просто стань невидимкой! Пожалей мои нервы, хоть немного...

Голос Сюй Хуаньчжи окончательно осел. Захлёбываясь рыданиями, она обхватила голову руками. Её тело беззвучно тряслось от крупной дрожи, выплёскивая всю накопившуюся боль.

Сюй Фань заторможенно смотрел на иглу в своей вене, так и не уронив ни слова.

Время словно застряло в этом надрывном плаче, растягивая каждую секунду в целую вечность.

Телефон в её сумке непрерывно вибрировал, разрывая мёртвую тишину палаты своим жалобным жужжанием.

Прошло много времени, прежде чем Сюй Хуаньчжи подняла голову. От былой красоты не осталось и следа — лишь изнеможение и выжженная пустыня. Налитые кровью глаза и воспалённые веки придавали стекавшим слёзам жутковатый, отсвечивающий алым оттенком.

Она уставилась на сына и произнесла с ледяным, запредельным равнодушием:

— И почему тебя просто не забили насмерть...

Сжав телефон в кулаке, она вышла, не обернувшись. Сюй Фань остался один.

Минуты текли одна за другой, а он всё так же неподвижно сидел на кровати, будто застывший

изваянием. Наконец юноша едва заметно шевельнулся. Прикрыв глаза, он тяжело, прерывисто вздохнул и поднял правую руку с приклеенным катетером. Прижав ладонь к лицу, он спрятал глаза в слишком длинном рукаве больничной пижамы. В уголке глаза набухла одинокая слёза и, так и не скатившись по щеке, мгновенно впиталась в ткань.

— Снято! — крикнул У Цюфэн и с чувством зааплодировал. — Замечательно! С первого дубля!

Янь Тин распахнул глаза. В них ещё стояла беспросветная тоска — образ не отпускал его сразу. Потряса головой, он позволил ассистенту извлечь иглу, и лишь тогда напряжение немного спало.

Цинь Чжэнь, закончившая свою часть чуть раньше, успела прийти в себя. Утерев слёзы, она подошла вместе с режиссёром:

— Отличная работа! Ты молодец, у тебя огромное будущее.

— Ну что вы, это всё благодаря вашей игре. Вы задали такой тон, что вжиться в роль не составило труда, — скромно улыбнулся Янь Тин. — К тому же у меня ни одной реплики, так что мне было куда проще.

Цинь Чжэнь покрутила головой:

— Актёрская игра без слов — самое сложное испытание. Персонаж крайне непростой: минимумом эмоций и текста нужно передать целую бурю. Тут всё держится на едва уловимых нюансах. Ты подошёл идеально. Режиссёр У, ваше чутьё, как всегда, не подвело!

У Цюфэн принял комплимент без лишней скромности:

— В людях я действительно разбираюсь. Когда Мучжи заговорил об этом персонаже, я сразу понял, кто должен его сыграть. Хотя, признаться, не ожидал, что первая же сцена поддастся вам с первого дубля. Думал, придётся сделать хотя бы пару заходов.

— Я смотрел, как эту роль пробовал Цзинь Цзю, да и сценарий зачитал до дыр, — усмехнулся Янь Тин. — Но одно дело — читать, и совсем другое — пройти через это самому. Ощущения совершенно иные.

— И каково же это? — поинтересовался У Цюфэн.

— Оцепенение от собственной жизни, в котором, однако, теплится крошечный огонёк надежды, — задумчиво произнёс Янь Тин. — И... какое-то ощущение дикости. Трудно поверить, что кто-то действительно так живёт.

Он умолк. Возможно, дело было в гриме на носу, но он невольно проецировал этот образ на Сюй Юньшаня. Поймал себя на мысли, что после съёмки даже в характере персонажа улавливает сходство с ним. Неужели замкнутость Юньшаня — тоже следствие семейной драмы? У него ведь тоже есть брат... Может, в его семье отдавали предпочтение старшему?

Янь Тин окинул взглядом палату, но не нашёл среди присутствующих знакомого силуэта.

— А где Сюй Юньшань? — спросил он у режиссёра.

— Наверное, вернулся в гримёрку, — ответил У Цюфэн. — Ты тоже пока готовься, скоро следующая сцена.

Янь Тин кивнул и направился к гримёркам.

Сюй Юньшань досмотрел сцену до самого конца и только потом ушёл. Телефон в его кармане гудел без остановки — Кан Пэн настойчиво набирал его номер. Выдержав три звонка, на четвёртый Юньшань просто сбросил вызов, и назойливый кредитор наконец утихомирился.

Отвечать совершенно не хотелось: Кан Пэн начнёт вымогать деньги и сыпать пустой болтовнёй. Мысли о долге отозвались тупой тоской. Срок оплаты подходил к концу, а у него не было ни единой зацепки. Если говорить открыто, он был полностью беспомощен.

Если придётся выплачивать проценты в двойном размере, окончательный расчёт отложится на неопределённый срок.

Сюй Юньшань уткнулся лицом в подложенные на стол руки, безучастно уставившись в одну точку. Интересно, какую сумму ему могли бы одобрить в банке? Хотя с его текущей кредитной историей и висящими долгами... вряд ли хоть одна финансовая организация рискнёт иметь с ним дело. Кан Пэн прекрасно просчитал этот расклад, потому и вёл себя столь нагло и безнаказанно.

От тяжёлых раздумий его сморило. Но едва он прикрыл глаза, как щёлкнул дверной замок. Сюй Юньшань мгновенно стряхнул с себя дремоту и поднял голову. На пороге стоял Янь Тин.

— Что-то случилось? — спросил Юньшань.

— Грим потёк, — Янь Тин ткнул пальцем себе в угол глаза. — Подправь.

Сюй Юньшань присмотрелся: тон в том месте действительно смазался, вероятно, когда тот вытирал слёзы рукавом пижамы. Подвинувшись, он высвободил место на диванчике, жестом приглашая Янь Тина сесть, и взялся за кисти и спонж.

После эмоциональной сцены веки Янь Тина сохраняли лёгкую красноту, а кончики ресниц казались чуть влажными. Поправляя тон, Юньшань снова невольно задумался. Вспоминая игру Янь Тина, он ощущал, как в душе поднимается странное, труднообъяснимое чувство.

Пусть в кино всё было иначе — Сюй Фань ввязался в драку из-за душной атмосферы дома и чужой провокации, — но Янь Тин сумел передать это состояние с такой точностью, что на миг Сюй Юньшаню показалось, будто перед ним стоит он сам шестилетней давности. Ему вдруг стало любопытно: о чём думал Янь Тин, пока шла съёмка?

— Чего ты на меня так уставился? — внезапно подал голос Янь Тин. Незаметно разлепив веки, он насмешливо оглядел визажиста. — Заворожён моей непревзойдённой игрой?

—... Почему ты заплакал? — вырвалось у Сюй Юньшаня прежде, чем он успел прикусить язык. Поняв, как странно это звучит, он торопливо добавил: — В сценарии Сюй Фань не плачет.

— Угу, моя отсебятина, — отозвался Янь Тин. Он запрокинул голову, словно заново проживая эпизод. — Просто чувствовал, что ему до смерти хочется выведать всю эту боль. Растя в такой обстановке, получить тяжёлые травмы — и вместо сочувствия огрести кучу упрёков...

Сюй Юньшань ничего не ответил. Закончив подправлять грим, он молча убрал косметику в кейс.

— Ну, это моё личное видение, — продолжал Янь Тин. — Ещё неизвестно, что в итоге смонтирует режиссёр У. Если не даст крупный план, никто ничего и не заметит. — Он перевёл взгляд на Юньшаня и негромко спросил: — А ты? Ты тогда плакал?

Сюй Юньшань вздрогнул, мгновенно поняв, о каком именно моменте идёт речь.

— Нет, — сухо отрезал он.

Янь Тин скривил губы:

— Ну да, логично. Ты ведь тогда почти до полусмерти от злости задохнулся, а причин так и не объяснил.

— И что бы изменилось, скажи я тогда всё? — Сюй Юньшань сжал губы. — Столько лет прошло, к чему ворошить прошлое? Разве мы не квиты?

Ему смертельно не хотелось возвращаться к тем событиям. В своё время он пережил не один адский круг, и вот теперь, когда раны затянулись, а воспоминания стали тускнеть, появление Янь Тина снова вскрывало старые шрамы.

И что ему, признаться сейчас? Сказать, что он слышал каждое чёртово слово? Что ударил его тогда только потому, что сердце разрывалось от боли? Но ведь сам Янь Тин давно обо всём забыл. Если он заговорит, то в лучшем случае получит в ответ фальшивые, формальные извинения. А в худшем — надменную насмешку и презрение. Нет уж, пусть лучше всё останется похороненным.

Янь Тин долго и пристально всматривался в его лицо, а затем сдавленно вздохнул:

— Ладно. Допустим, мы квиты. Но ты хотя бы можешь относиться ко мне по-человечески?

— Я ко всем отношусь одинаково, — ответил Сюй Юньшань.

— К другим ты просто прохладен, а на меня смотришь так, словно я твой заклятый враг. Как и тогда, в прошлом, — в голосе Янь Тина проскользнули обида и недоумение. — Я ведь не совершал ничего чудовищного. За что ты меня так ненавидишь?

Сюй Юньшань опустил глаза, пряча вспыхнувшие эмоции за непроницаемой маской. Лишь спустя долгое время он глухо выдавил:

— Я понял.

В последующие дни съёмки закрутились с бешеной скоростью. Съёмочная группа колесила по локациям, выматываясь до предела.

Сюй Юньшань спал от силы по три-четыре часа в сутки. Всё свободное от работы время он отдавал рисованию.

За годы практики его мастерство ощутимо выросло, а блог на Вэйбо набрал определённую популярность, но прайс-лист он не менял уже давно. В этот раз, пересилив тревогу, он немного поднял цены на заказы. К его облегчению, подписчики отнеслись к этому абсолютно спокойно.

Хоть полученные суммы по-прежнему не перекрывали брешь в его финансах, повысившийся доход добавил мотивации.

Утром Сюй Юньшань получил сообщение от Хэ Мучжи:

«Приедешь сегодня вечером?»

Сюй Юньшань на мгновение замешкался и лишь тут осознал, что сегодня уже пятница. Из-за

рабочей суматохи он давно не навещал Хэ Мучжи в больнице, ограничиваясь редкой перепиской. Раньше, как бы он ни был занят, вечера пятницы он неизменно посвящал визитам к нему. Но сегодня на вечер были запланированы важные съёмки.

Немного подумав, Сюй Юньшань набрал ответ:

«Приеду во второй половине дня».

Быстро пообедав во время дневного перерыва, Сюй Юньшань предупредил режиссёра У и отправился в больницу к Хэ Мучжи.

<http://bllate.org/book/20603/2140505>